

МЕЙЕРХОЛЬДОВЦЫ В БЕРЛИНЕ

Первый рейд передового революционного театра*) в иноземные страны. Пограничная станция Негорелое. Замечательная надпись: «Коммунизм сметает все границы». Последний пост наших пограничников; громкое «ура» в нашем вагоне в честь их; ответные крики приветствий, теплое прощание... И вот мы в чужой стране.

«Товарищ» там поэзия. Мы в вотчине панов. Варшава. Три часа мы имеем право побродить по городу под неусыпным надзором сыщиков. Русская речь вызывает особенно опасливые взгляды прохожих. Воздух густой. На улицах — тьма народа. Но почему такой ошарашенный вид у этих котелков и шляп?

Пан Пилсудский разогнал сегодня сейм. Только что закончилась демонстрация протеста — вот почему такой густой воздух, вот почему не слышно смеха. Обыватель в котелке и шляпе еще не знает, куда ему идти.

Германия. Каждый кусок земли возделан. Каждая дорожка расчищена. Каждое деревцо подстрижено. Бескоронные орлы и на деньгах, и на гос. учреждениях, и на почтовых ящиках строго и сумрачно внушают немцам: «Германия это все-таки, так сказать — республика».

Республика? Улица принца такого-то, цолерна, яхта «Император», памятники всем императорам, герцогини, герцоги, площадь короля такого-то, кафе Гогенграфы в каждом аристократическом уголке города, портреты Фридрихов и Вильгельмов — императоров разных периодов — в каждой комнате среднего буржуа — это в столице Республики, Берлине, великолепно начищенном, сияющем огнями сногосшибательных реклам, отраженных как в зеркале, на подилованных мостовых...

*) Речь идет о заграничных гастролях гостеатра им. Мейерхольда, начатых 1 апреля в Берлине.

Мимо Варшавы. — Берлин, Штресеманштрассе. — Первый спектакль. — Белогвардейская травля. — «Запретить Мейерхольду агитировать!» — «Рычи, Китай» под охраной! — Галерея аплодирует.

Через несколько часов все газеты пестрят заметками, статьями и фотографиями, оповещающими о приезде в Германию мейерхольдовцев.

Театр на Штресеманштрассе, где мы играем, едва вмещает 800 зрителей; сiena на редкость неудобная, маленькая, наши конструкции не помещаются; едва вместилось вместо 15 только 8 дверей «Ревизора». Цены дорогие. Солидные фигуры, облеченные в прекрасные смокинги, бриллианты и шелк, аромат духов и сотни биноклей — это зрительный зал премьеры революционного советского театра. Это обстоятельство вызывает удивление и невольно ошарашивает. Провал? Ведь все сделано именно для провала. На сцене мы чувствуем себя так, как коммунист перед приговором наибуржуазнейшего суда.

Но когда после первых же эпизодов в «Ревизоре» раздаются дружные «браво» и мы выходим на поклон много раз, когда после финала овации не прекращаются полчаса и вызовы достигают 12 раз — мы с удивлением убеждаемся, что вопреки и наперекор условиям, советский революционный театр принят, как яркое и высокое явление искусства.

Наши спектакли здесь поразили не только новизной и смелостью, но, по словам газет, и «исключительно высоким мастерством и режиссера и актеров».

Какое обилие статей о премьере! Все газеты, всех направлений, от «Форвертса» до «Берлинер тагеблатт» пестрят большими «подвалами» с рецензиями.

Знаменитый и влиятельный критик Альфред Керр в солидной «Берлинер тагеблатт», с высоты своего величия, язвительно поругивает Мейерхольда, находя, что в спектакле ничего нового нет.

Зато десятки других рецензентов и критиков, защищая «Ревизора», расхваливают и актеров (исключительный ансамбль), и режиссера. 30 больших статей, коротеньких рецензий и заметок; из них только 7 ругательных — вот итоги берлинской газетной прессы о «Ревизоре», не считая разных статей в еженедельниках и не считая белогвардейского «Руля», который, перевирая все, с первого дня приезда ведет отвратительную и гнусную травлю против всех нас.

Особенно острую злость этого «Вруля» вызвал «Рычи, Китай» — «мерзкая агитка с возмутительным содержанием», — пишет «Вруль». Ему вторит одна правая немецкая газета, которая вообще считает, что надо «запретить Мейерхольду агитировать в Германии».

Между тем, вторая премьера «Рычи, Китай» вызвала не меньший успех; после финала актеры вызвались 17 раз. Напряженная борьба между кули и капитаном вызвала восхищения из публики по адресу капитана: «Негодяй!». Накаленная атмосфера борьбы так доходила до «верхнего», особенно галерочного зрителя, что предусмотрительные власти озабочились усилением охраны: вся улица Штресемана, около театра, еще до спектакля, уже была наполнена «парочками» в полицейских мундирах, чинно маршировавшими по тротуарам.

И каждый спектакль («Рычи, Китай» шел под такой бдительной наружной охраной. Мало ли что может быть! В итоге еще 26 рецензий, в большинстве положительных.

«Лес» вызвал такой же успех; даже «Вруль» смягчил несколько тон и принужден сознаться, что И. Ильинский великолепный актер.

«Великодушный рога носец», имея несомненный успех у публики, вызвал разногласия в прессе. «Маститый» Керр снова обрушился на нас, а целый ряд других рецензентов называют этот спектакль откровением.

Борьба вокруг нас начинается. Классовые противоречия отражаются и в зрительном зале: восторг «галерки» и благодарное снисхождение первых рядов партера; возмущенные уходы из зала при выносе креста в «Рычи, Китай», и гром аплодисментов галерки на слова кули: «Через двадцать лет капитанский сыщик будет под ногой твоего сына», попытки свиста после наиболее резких сцен, заглушаемые несмолкаемым «бравом» — все это существенно отличает спектакли нашего театра от чинных зрелищ, к которым привыкли немцы.

НИКОЛАЙ МОЛОГИН.

„РАБОЧИЙ И ИСКУССТВО“ 3

№ 24 30/IV-30